

А. НЕКРАСОВ
**ТАИНЫ
ИГРУШКИ**

Библиотека пионера

Знай и умей

ДЕТГИЗ · 1963

БИБЛИОТЕЧКА ПИОНЕРА
«Знай и умей»

А. НЕКРАСОВ

ТАНИНЫ
ИГРУШКИ

Scan AAW

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА • 1963

Еловая шишка, ореховая скорлупа, спичечная коробка... Кому они могут быть нужны? А вот маленькой Тане и такие бесполезные вещи пригодились. Оказывается, если вооружиться ножницами и клеем да проявить чуть-чуть изобретательности, из цветков вербы можно сделать серых утят, из желудей — кофейный сервиз, а из еловой шишки — поросёнка. Кто прочитает эту книжку, тот сам научится делать интересные игрушки.

Про то, как
Таня сделала мышку,
а папа сделал уточек

Принесла мама пучок вербы и поставила в вазу на столе. А Танюшка — ей до всего дело — спрашивает:

— Ой, мамочка, а почему верба? Почему не цветы?

— Как же так — не цветы? — говорит мама. — Цветы. Только они ещё не распустились,

— А когда распустятся?

— Скоро распустятся, — сказала мама. — Верба раньше всех распускается. Оттого у неё и цветы в шубках. Это чтобы цветам не холодно было...

Сказала и ушла. А Таня стала вербу разглядывать, стала гладить пушистые шубки да и отломилась нечаянно один цветочек. Отломилась, испугалась, оглянулась. Зажала цветок в кулачке и пошла к своему столу. Пошла не спеша, как будто ничего и не случилось.

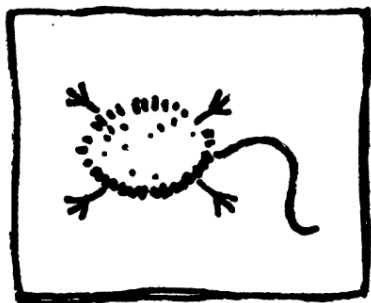
Села Таня за стол, а что делать, не знает.

Цветок мешает: лежит в кулачке, не шевелится и места немного занимает, а забыть о нём трудно.

Разжала Таня кулачок, положила цветок на стол и начала с ним играть. Сперва играла, будто это зайка, потом — будто это киска, потом — будто это мышка. Гладит Таня мышку, приговаривает:

— Мышенька моя бедненькая, мышенька моя глупенькая, ну чего ты дрожишь, ты не бойся...

А потом положила мышку на бумажку, взяла карандаш и пририсовала мышке хвостик и лапки. Рисовать Таня мастерица, и мышка получилась как живая. Вот такая:

И так усердно рисовала Таня, что даже дышать перестала. А когда нарисовала, вздохнула сразу. Мышка тут же и укатилась в сторону. Только хвостик да лапки на бумаге остались.

— Ух, противная мышца, — рассердилась Таня, — и не стыдно тебе убежать? Вот я тебя приклею, тогда не больно убежишь!

Взяла Таня клей, помазала мышке брюшко, приклеила мышку к бумаге. Опять пририсовала хвостик и лапки.

А вечером пришёл папа с работы. Таня встретила его у дверей, вцепилась в рукав:

— Хочешь, я тебе подарок подарю?

— Кто же, — говорит папа, — от подарков отказывается?

— Ну, тогда идём...

Привела Таня папу к своему столу.

— Вот, — говорит, — под этой коробочкой сидит мой подарок.

— А он не убежит? — спрашивает папа.

— Может и убежать, — говорит Таня, — а ты осторожно.

Папа тихонько приподнял коробочку, увидел мышку, повертел бумажку в руках, осмотрел мышку со всех сторон, погладил тихонько и позвал маму.

— Ты смотри, мать, — сказал он ей, — Танюшка-то наша чего придумала. Здорово, а? Скоро мастерицей станет. Дай только срок...

— Будет вам и белка, будет и свисток, — сказала мама. Это у неё такая поговорка была про свисток и про белку.

И поселилась мышка у папы на столе. Вот он сидит работает, а потом посмотрит на мышку и подумает: «Растёт дочь. Вон какая выдумщица стала!»

А папа у Тани тоже был выдумщик. Только он не игрушки придумывал, а разные новые машины. Он был конструктором. Вот так он однажды сидел работал. Потом посмотрел на Танину

мышку и решил от дочки не отставать — тоже придумать игрушку. Сделал и пошёл за Таней.

— Хочешь, Таня, я тебе подарок подарю?

— Конечно, хочу, — говорит Таня. — Кто же от подарков отказывается?

Привёл папа Таню в свой кабинет, а там на столе — большая круглая коробка. Таня решила, что это торт, и сначала даже немножко обиделась. Подумаешь, подарок — торт. Потом видит — не торт. Только крышка от торта. Таня уже руки протянула к коробке, а потом обернулась, улыбнулась и спрашивает:

— А он не убежит, твой подарок?

— Убежать не убежит, а улететь может, — говорит папа.

— Опять небось самолётики, — сказала Таня и даже губы надула. Но потом всё-таки осторожно подняла коробку. — Ой! — крикнула она да так и застыла с коробкой в руках.

Там, под коробкой, стояло блюдце с водой, а по воде плавали маленькие уточки. Целая стая пушистых смешных уточек.

Таня поставила коробку, а сама стала разглядывать уточек. И чем дольше разглядывала, тем больше радовалась: оказалось, что уточек папа сделал тоже из цветочков вербы, а головки и шейки вырезал из бумаги.

— Спасибо, папка, спасибоще! — сказала Таня. — Только как же ты им головки приклеил?

— А ты возьми одну уточку и посмотри.

— Нет, папка, жалко. Ты лучше скажи, а то я боюсь — сломаю.

— А ты не бойся. Сломаешь — починим...

Таня подняла осторожно одну уточку за головку и вынула её из воды. Другой рукой взяла уточку за мохнатое брюшко. И уточка развалилась: в одной руке у Тани осталась бумажная головка с длинной шеей — вот такая:

А в другой — пушистый цветок... А в цветке, там, где у Таниной мышки был нос, оказалась глубокая дырочка.

— Ой, папочка, какой ты молодец! — сказала Таня. — А чем же ты такую дырочку сделал?

— А дырочку я сделал маминими маленькими ножницами, — сказал папа, — теми, которые она никому не даёт. Только, чур, это секрет. Проболтаешься — попадёт нам с тобой.

— Ну что ты, папка, разве я проболтаюсь? — сказала Таня и стала играть с уточками: чуть-чуть подует на них — они зашевелиятся, закружатся... Дунет сильнее — они всей дружной стайкой понесутся на другой конец блюда и встанут у самого края...

До самого вечера играла Таня с уточками. Она бы и с утра играла, да утром было не до игрушек: подходил конец четверти и во втором классе было очень много занятий.

— Спрячь, мама, моих уток, — сказала Таня. — Только так, чтобы они не пропали.

Мама поставила блюдо в буфет, на самую верхнюю полку. А когда начались каникулы, Таня вспомнила про своих уток и полезла на них посмотреть. Придвинула кресло, на кресло поставила табуретку, забралась на неё, открыла буфет да как закричит...

— Ну, что случилось? — испугалась мама.

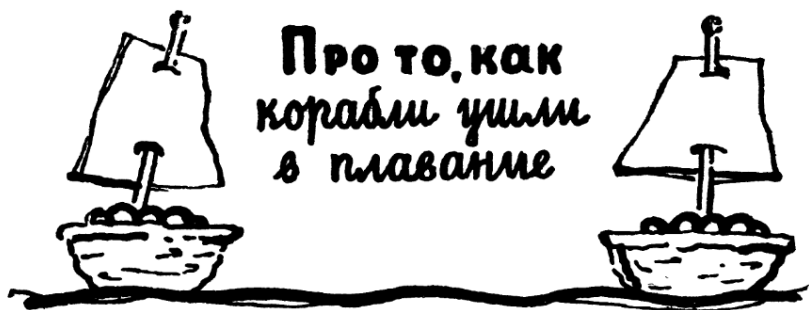
— Ничего не случилось, — отвечает сверху Таня. — Выросли мои уточки, вот что случилось. Хвосты у них отросли!

— Брось-ка ты выдумывать да слезай оттуда, пока не свалилась, — сказала мама.

Прежде чем слезть, Таня осторожно подала маме блюдце. Мама посмотрела и видит: в блюдце осталось совсем мало воды, а у каждой уточки и в самом деле торчал маленький жёлтый пушистый хвостик.

— Ну вот, видишь, — сказала мама, — а ты не верила, что это цветы. А они взяли и распустились. Веришь теперь?

Про то, как корабли ушли в плавание

Наутро Таня проснулась и слышит за окном: тук-тук-тук... тук-тук... тук-тук...

Не то кто-то пальцем по стеклу барабанит, не то голуби прилетели.

Встать бы да посмотреть? Встать не хочется. А тут и мама пришла.

— Мамочка, кто там? — спрашивает Таня.

— Где? — говорит мама.

— За окном.

— Никого там нет, за окном.

— Ну как же нет? А стучит кто?

— А, — сказала мама. — Стучит? Это весна пришла и стучит в окошко. А ты проспала. Эх ты, соня!

Таня сразу вскочила, куда и сон девался. Бросилась к окошку. Видит, и правда пришла весна. Солнце светит вовсю, с крыши падают тяжёлые капли: бум... бум. Упадёт капля и разлетится сверкающим фонтанчиком, упадёт и разлетится...

А на дворе сверкают лужи, бегут ручейки. Ребята — кто с лопаткой, кто с метёлкой, кто с со-

вочком — строят запруды из мокрого снега, строят пещеры, города...

— Мапочка, я гулять пойду, — сказала Таня.

— Конечно, пойдёшь. Позавтракаешь и пойдёшь. Вставай-ка, лежебока.

Таня умылась, оделась, поела и совсем уже собралась, да тут вспомнила про своих уток.

— Мама, — сказала Таня, — а уток я с собой возьму. Можно?

— Конечно, можно, — сказала мама, — бери. А тебе их не жалко?

— А чего их жалеть? Пусть поплавают. Им в блюдце тесно.

Таня вынула уток из воды, осторожно вынула, чтобы не помять, посадила их всех в коробочку и пошла во двор.

А там уже целый порт ребята построили. И речной вокзал построили, и причалы из снега. И между снежными берегами уже плыли по мутным весенним речкам корабли. И бумажные, и покупные на верёвочках, и просто щепки...

Таня, конечно, шагнула прямо в лужу и чуть не хлебнула ботиком. Она бы и хлебнула. Непременно хлебнула бы. Но тут сзади слышит:

— Татьяна, ты куда? — Это папа крикнул.

— Ой, — обрадовалась Таня, — папка! А почему ты дома?

— А я разве дома?

— Ну, на дворе...

— А где же мне быть?

— А на работе.

— А ты почему на дворе?

— А у нас каникулы, вот почему.

— А у нас выходной.

— Ой, как здорово! — сказала Таня. — А я и забыла. Вот мы сейчас и пустим уток вместе. Ладно?

— Ладно, — согласился папа. — На вот, держи.

Папа отдал Тане пакет, завязанный тоненькой ленточкой, а Таня папе — коробочку с уточками. Папа выбрал лужицу поменьше, подобрал пальто повыше, присел.

— Ну что ты, папка, — сказала Таня, — разве можно сюда! Тут им тесно. Давай вон туда. — И выбрала самую большую лужу.

— Ну давай сюда, — сказал папа. — Только смотри, Танюшка, уплывут твои уточки — не догонишь...

Он одну за другой посадил уток на воду. Они сперва стайкой держались, все вместе, у берега. Дружно так плавали. А потом вдруг подул ветерок, уточки разлетелись в стороны и понеслись, понеслись на другой край лужи, а из лужи в ручеёк, а из ручейка на улицу...

Таня бросилась их догонять, выбежала из ворот, а уток уже и след простыл — все нырнули вместе с мутной водой в решётку.

Вот тебе и уточки, вот и поплавали на просторе!

И, конечно, Таня захныкала:

— Вон у ребят — у кого лодка, у кого кораблик, у кого лопатка. У меня у одной нет ничего... Были уточки, да и тех нет.

— А ты не горюй, — сказал папа. — Мы сейчас целый флот на воду спустим.

— Флот? — сказала Таня. — А откуда мы его возьмём, флот-то?

— Да ты его в руках держишь, а говоришь: откуда? Развязывай пакет, только ленточку не бросай, пригодится.

Таня развязала пакет, а там просто орехи: грецкие и кедровые — пополам.

— Вот так флот... — сказала Таня. — И не стыдно тебе, папка, обманывать?

— А я и не обманываю, — сказал папа. — Давай-ка самый большой орех, вот этот. Сейчас мы из него такой корабль сделаем...

Папа достал из кармана свой складной ножичек в кожаном чехольчике. Чехольчик расстегнул, ножичек вынул, раскрыл его и кончиком лезвия сунул в дырочку между половинками ореха. Сунул, пошатал ножичек вправо, влево, вверх, вниз, и орех раскололся как раз пополам, по пояску.

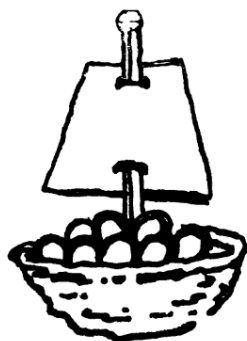
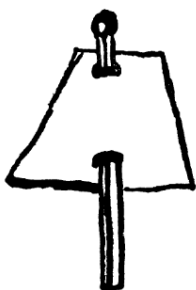
Потом он вынул из ореха сердцевину, отдал Тане и сказал:

— Ешь!

Таня спорить не стала. А папа, пока она ела орех, достал спичку, оторвал от пакета кусочек бумаги, проколол в нём две дырочки и надел на спичку.

— Вот у нас и мачта с парусом, — сказал он, — а вот и корабль.

Он поставил спичку вместе с надетой на неё бумажкой в пустую скорлупу, а вокруг мачты со всех сторон положил кедровые орешки. И получился кораблик с парусом. Да ещё какой кораблик-то!

Таня взяла кораблик, пустила его на воду, и поплыл кораблик по ветру, да так поплыл, что со всего двора собрались ребята смотреть. И было на что посмотреть. Уж очень лихо плыл кораблик с белым парусом — гордо плыл, спокойно, быстро, уверенно.

Кораблик плыл, ребята смотрели, и папа тоже смотрел. А Таня взяла вторую половинку скорлупки и так же, как папа, устроила мачту из спички и парус из бумажки. И так же, как папа, поставила мачту в кораблик и укрепила орешками. И кораблик у Тани получился точь-в-точь такой, как у папы, только парус чуть побольше.

Потом Таня пустила свой кораблик на воду и он тоже поплыл и стал догонять папин кораблик. Догнал, обогнал, потом налетел на маленькую льдинку, закачался, отстал, потом опять стал догонять... И все смотрели на эту гонку, и Таня тоже смотрела. Уж очень интересно было смотреть на гонки корабликов!

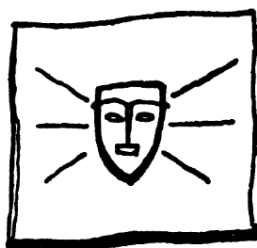
А папа тем временем подобрал прутики от развалившейся метлы и отрезал семь ровных па-

лочек. В одной палочке концом ножика он сделал щёлочку и сказал Тане:

— Держи-ка.

— А это что будет? — спросила Таня.

— А вот сейчас увидишь, что будет, — сказал папа. Он оторвал от пакета ещё кусок бумажки, края у неё обрезал ножиком, потом достал из кармана карандаш и нарисовал на бумаге вот такой рисунок:

— Ну, догадалась теперь, что будет?

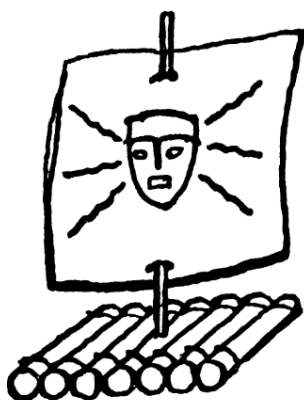
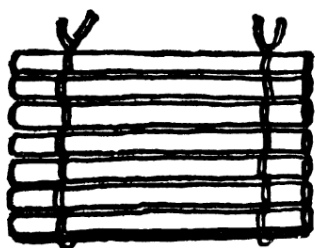
— Нет, не догадалась, — сказала Таня, — не знаю, что это будет.

— Эх, ты... — сказал папа. — Ну, раз сама не знаешь, спроси тогда у ребят.

Таня показала бумажку ребятам, и ребята, те, которые постарше, сразу закричали:

— «Кон-Тики», «Кон-Тики»! — и стали вспоминать отважных учёных, которые на плоту «Кон-Тики» переплыли океан. Вспомнили, какой у них был плот, и какой парус на плоту, и какой рисунок на парусе.

А папа уже связал палочки ленточкой. В щель на средней палочке вставил мачту, а на мачту надел парус — вот так:

И поплыл плот «Кон-Тики» вслед за корабликами. Конечно, он не так резво плыл, как кораблики, зато никакие льдинки его не пугали и никакие волны.

И все ребята решили, что на таком плоту, если его побольше сделать, любой из них смело отправился бы в океан, если бы, конечно, отпустили.

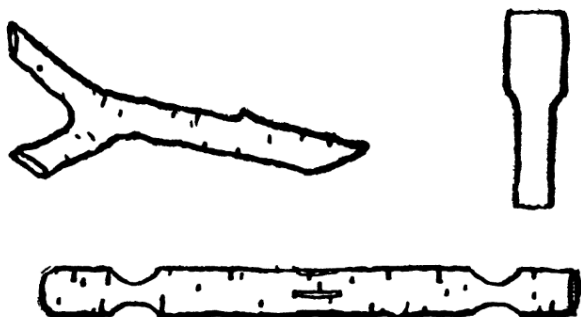
Кораблики плыли всё дальше и дальше, и плот «Кон-Тики» плыл всё дальше и дальше. Все ребята побежали по снежному берегу провожать корабли и плот. И Таня тоже побежала, а папа остался.

— Папка! — закричала Таня. — Они сейчас по ручью поплывут. Иди сюда скорее, а то прозеваешь!

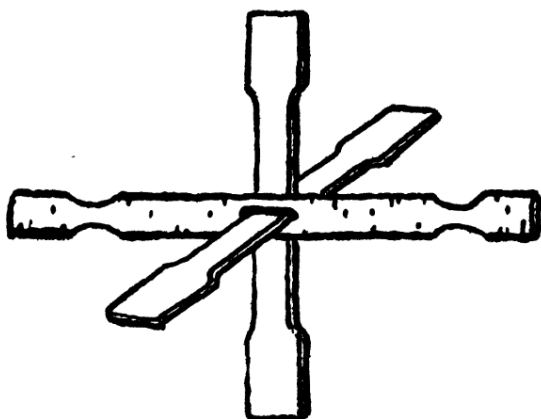
А папа и не думал зевать. Он выбрал ещё два прутика и сделал из них рогатки.

Третий прутик выбрал совсем прямой, вырезал на нём две канавки по бокам, а середину прокнул ножичком крест-накрест.

Потом он разломал коробок из-под спичек и сделал из них лопаточки:

Лопаточки вставил в щёлочки, и получилась вот такая штука:

Потом папа попросил лопатку у одной девочки и рядом с большим ручьём прокопал в снегу узенький ручеёк. Ручеёк получился совсем маленький, но и по нему побежала вода, за-

бурлила, запенилась. И комочки мокрого снега и крошечные льдинки поплыли по новому ручейку. А за ними и маленькие щепочки, и пена, и пузырьки...

Одну рогатку папа воткнул в снег на одном берегу ручейка, другую — на другом берегу, сверху положил прутик с крылышками. Потом чуть-чуть нажал на рогатки сверху, они поглубже сели в снег. Одно крылышко коснулось воды, подскочило кверху, прутик повернулся; другое крылышко коснулось воды, третье... И закрутилась над игрушечным самодельным ручейком игрушечная самодельная мельница. Да как ещё закрутилась-то! Только брызги полетели в стороны, да так, что настоящая радуга засияла над ручейком. И со всего двора стали опять сбегаться ребята — посмотреть на водяную мельницу и на радугу.

И Таня тоже смотрела на мельницу, и папа смотрел, и так она им понравилась, что они, наверное, долго простояли бы. Но тут папа посмотрел на часы и сказал:

— Пойдём-ка, Танюшка, домой.

— Ой, папка, — сказала Таня, — ты ступай, а я ещё погуляю.

— Как хочешь, — сказал папа. — Я тогда один пойду. Я в зоопарк собирался. Думал, и ты со мной пойдёшь...

— Конечно, с тобой! — обрадовалась Таня и отдала папе пакет с орехами. — Ты ступай, а я соберу игрушки и тебя догоню.

— Какие игрушки? — удивился папа. — Ты же плакала, что у тебя нет ничего.

— Ну как «какие»? А кораблики, а плот «Кон-Тики», а мельницу... Всё заберу.

— Что ты, Таня, — сказал папа, — зачем они тебе? Пусть ребята играют. А если нам с тобой понадобится, мы новые игрушки сделаем, ещё лучше этих. Это дело нехитрое. Были бы руки да голова на плечах. Пошли!

**Про то, как
в зоопарке
случилось ЧП
и что из этого
вышло**

Пока они шли домой, папа опять отдал Тане пакет с орехами, а сам вытер ножик со всех сторон, уложил в чехольчик и сунул в карман.

— Знаешь что, папка, — сказала Таня, — ты мне завтра оставь свой ножичек.

— А зачем тебе мой ножичек?

— Как — зачем? — удивилась Таня. — Ты на работу пойдёшь, а я буду игрушки делать. Оставь, папка, ладно?

— Нет, Танюшка, не ладно, — сказал папа, подумав. — Не дам я тебе свой ножичек, не оставлю.

— Почему, папка?

— Потому что ты растеряха и мой ножичек потеряешь. Это раз.

— А «два» почему?

— А «два» потому, что ты неряха, мой ножичек намочишь, не вытрешь, он заржавеет и резать не станет.

— Ну, а «три» почему?

— А «три» потому, что ты пока что неумёха и вместо палочки отрежешь пальчики... Это «три».

— А «четыре»? — спросила Таня.

— Хватит и трёх, — сказал папа.

— Знаю я тебя, — сказала Таня. — Ты всегда причину найдёшь. А только без ножичка как же я буду делать игрушки?

— А об этом мы с тобой отдельно подумаем, — сказал папа.

Но тут они уже пришли домой, отдали маме орехи и стали собираться в зоопарк.

В зоопарк Таня с папой ходила много раз и знала, где там какие звери живут. Некоторых она даже по именам знала. Но всё равно каждый раз ей было интересно в зоопарке, и она очень любила туда ходить.

Они взяли билеты, вошли, и Таня сразу остановилась на берегу замёрзшего озера. Там, на середине озера, протаяла от солнца большая-большая лужа, и по этой луже плавали серые утки — точь-в-точь такие, какие были у Тани, только, конечно, побольше ростом. Они плавали стайкой то туда, то сюда по рябой от ветра воде, и казалось, что это не сами они плавают, а ветер их подгоняет.

— Ой, папка, смотри! — закричала Таня. — Вон куда мои уточки-то приплыли. Вот молодцы!

Но тут, кроме уточек, были и другие птицы. Одна стояла в ледяной воде на длинной голой ноге, а другую ногу так подогнула, что её и не видно было. Другие птицы махали крыльями, будто собирались улететь, третьи спали прямо на мокром

снегу, запрятав голову под крылья. И в клетках возле дорожки тоже жили птицы: орлы, и ястребы, и беркуты, и даже кондоры с голыми шеями. И маленькие совки, и большие совы, и филины с огромными круглыми глазищами вроде жёлтых блюдец жили в клетках.

Тут у клетки с птицами Таня, наверное, полдня простояла бы, но папа взял её за руку и пошёл дальше — смотреть настоящих зверей. И вот тут, пока они шли, и случилось ЧП — чрезвычайное происшествие.

Служитель вёз на электрической тележке корм для разных животных. Вёз прямо по дороге. А навстречу ему шёл мальчик с мамой. Одной рукой он держал маму, в другой нёс большой, очень красивый мячик.

Мальчик засмотрелся на тележку и уронил свой мячик. Мячик прыгнул и покатился прямо под колёса тележки. Мальчик вырвался от мамы и бросился спасать свой мячик. Мячик-то он спас, а сам зато чуть не попал под колёса. Хорошо, что служитель успел затормозить и тележка сразу остановилась. И так быстро она остановилась, что три ведёрка с кормом соскочили с края тележки, упали на дорожку, перевернулись и корм рассыпался.

Из одного ведёрка рассыпались еловые шишки. Из другого ведёрка рассыпались дубовые жёлуди. А из третьего ведёрка рассыпались кленовые носики.

Служитель очень огорчился и стал подбирать — шишки отдельно, жёлуди отдельно и носики отдельно. И, конечно, Таня стала помогать

служителю. А когда они всё собрали, Таня сказала служителю:

— А можно мне взять один носик?

— Конечно, можно, — сказал служитель. — Бери хоть сотню. — И протянул Тане целую горсть носиков.

— Спасибо, — сказала Таня. — А можно мне взять один желудок?

— Бери, бери, помощница! — сказал служитель и протянул Тане целую горсть тяжёлых коричневых желудей.

— Спасибо, — сказала Таня. — А можно мне взять ещё одну шишечку?

— И шишечку можно. Бери, девочка, не стесняйся. Может, тебе ещё и сосновых дать? — сказал служитель и достал из другого ведёрка, которое не падало, горсть сосновых шишек.

Потом он встал на свою тележку, взялся за рукоятки и поехал дальше. А Таня стала расписывать свои подарки по карманам. Она еле засунула в карманы всё своё добро. Карманы у неё раздулись, как пузыри. Папа посмотрел на Таню, улыбнулся и сказал:

— Ты чего же с этим хозяйством собираешься делать, Татьяна? Ты ведь не птичка и не белка.

— Ну и что? — сказала Таня. — Я девочка.

— А девочки шишки не едят, и жёлуди не едят, и кленовые носики не едят.

— А я и не для еды вовсе. Я для игрушек, — сказала Таня и заторопилась домой. — Пойдём, папка, — сказала она. — Зверей мы потом, в другой раз посмотрим. А сейчас пойдём домой игрушки делать. Ладно?

— Хорошо, — согласился папа, — пойдём.

Пока они шли, Таня нашла ещё три очень красивых маленьких пёрышка и еловую веточку. А когда пришли домой, она прямо в шубе пошла в комнату и всё своё богатство — и подарки и находки — стала выгружать из карманов и раскладывать на столе, прямо на скатерти.

Мама увидела это и даже рассердилась немножко.

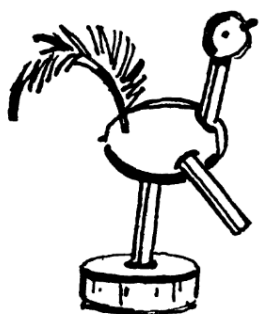
— Это что же такое? — сказала она. — Сейчас же, Татьяна, убери всю эту грязь со стола. Нашла забаву — мусор домой таскать.

— А это вовсе не мусор, — заступился за Таню папа, — это материал. У нас тут открывается игрушечная мастерская, и ты нам не мешай, пожалуйста.

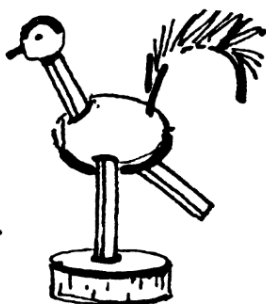
— Ну, это другое дело, — сказала мама. — Только скатерть вы всё-таки снимите. Где же это видано, чтобы в мастерской на скатертях работали?

— Скатерть-то мы снимем, — согласился папа, — а ты нам помоги немножко: дай нам старые ножницы, пустую банку из-под консервов, иголку потоньше с ниткой, иголку потолще без нитки, какую-нибудь дощечку, какую-нибудь палочку и клей с моего стола.

Потом они убрали скатерть, положили на стол дощечку, положили палочку, положили весь материал и начали работать.

Про то, как открылась мастерская

— Ну вот, Танюшка, — сказал папа, — открывается наша мастерская. Мы с тобой будем мастерами. А мастеру что́ нужно, как по-твоему?

— Руки да голова на плечах, — сказала Таня.

— Верно, дочка, молодец! — засмеялся папа. — А ещё что мастеру нужно?

— А ещё что? Нет, не знаю, — сказала Таня.

— Мастеру ещё инструмент нужен, — сказал папа, — и материал. Материал у нас есть, а инструмента пока нет.

— А ножичек — это разве не инструмент? — спросила Таня.

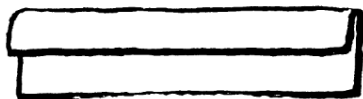
— Инструмент, — сказал папа.

— Ну вот и давай сюда твой ножичек, и будет у нас инструмент.

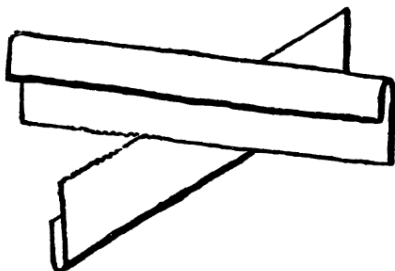
— Ишь ты какая скорая: «давай» сказать не хитро. А ты вот попробуй сама какой-нибудь инструмент сделать.

- А я не умею.
- А я тебя научу.
- Научи.
- Ну что будем делать, какой инструмент?
- Ножичек, — сказала Таня.
- Заладила, как сорока: ножичек да ножичек. Давай-ка сперва ножовку сделаем!
- А это что такое — ножовка?
- А это двоюродная сестра ножа. Пила такая.
- А как же мы пилу сделаем?
- Очень просто, вот смотри.

Папа взял консервную банку, взял старые ножницы. Разрезал банку и отрезал две жестяные полоски. Потом он расправил полоски на доске и загнул края этих полосок. Вот так:

А потом положил одну полоску на доску. А другой стал стучать сверху — вот так:

Стукал, стукал, стукал, стукал... Тане даже смотреть надоело.

— Что-то ты больно долго стукаешь, — сказала она. — Не получается твоя пила-ножовка?

— Почему не получается? Уже получилась, — сказал папа. — Да не одна, а сразу две. Одна — тебе, другая — мне.

Он дал одну полоску Тане, а другую оставил себе.

— Вот так пила, — сказала Таня.

— А чем не хороша? — спросил папа.

— Нет, хороша-то хороша, — сказала Таня, — только такой пилой ничего не распилишь.

— А ты пробовала?

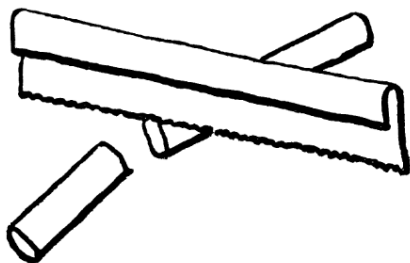
— Нет, не пробовала.

— А ты попробуй.

— Нет, уж лучше ты сперва попробуй...

— Ладно, — сказал папа.

Он взял палочку, положил на доску и стал пилить — вот так:

И очень скоро отпилит от палочки вот такой кусочек:

— Ой, как здорово! — обрадовалась Таня. — Ну-ка, дай я тоже попробую.

Она взяла палочку, положила на доску и хотела своей ножовкой отпилить маленький кусочек. Но папа Таню остановил.

— Такой кусочек, — сказал он, — нам с тобой ни к чему.

— А такой, как ты отпилил, к чему?

— А вот увидишь, — сказал папа и показал Тане, в каком месте пилить палочку.

Таня стала пилить и даже сама удивилась, как легко и быстро распилится палочка.

— А что же это у нас будет? — спросила она, когда отпилила кусочек.

— А это будет ручка для инструмента.

— А для какого?

— Для шила...

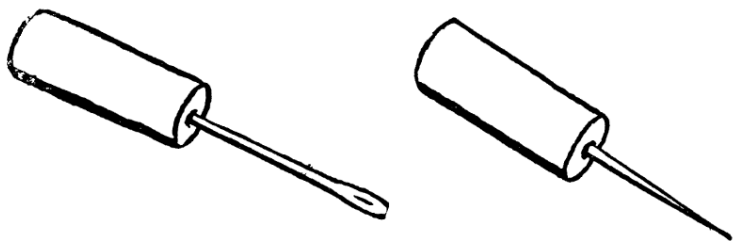
— А из чего мы шило сделаем?

— Из толстой иголки.

— А как?

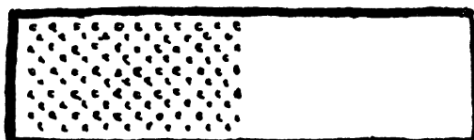
— А вот так, — сказал папа. Он взял иголку и воткнул в конец палочки.

Потом вытащил. Потом опять воткнул, поглубже, и опять вытащил. Потом опять воткнул, ещё поглубже, и опять вытащил... Иголлка с каждым разом глубже влезала в палочку. А потом папа перевернул иголку и тем концом, где ушко, воткнул в дырочку. И получилось вот такое шило:

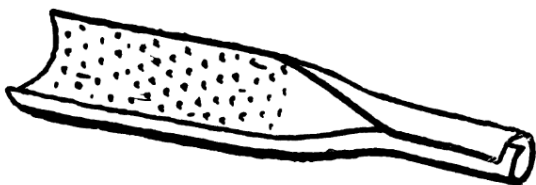
— Вот у нас уже два инструмента, — сказал папа. — Давай-ка третий сделаем.

Он отрезал ещё одну жестяную полоску, положил на доску и стал шилом прокалывать в ней дырочки — часто-часто. Много-много дырочек

проколот. И Таня тоже отрезала жестяную полоску и тоже стала прокалывать в ней дырочки. Только у неё не так хорошо получалось, как у папы. И очень больно было ладошку.

Потом папа согнул свою полоску — вот так:

— Вот у нас и третий инструмент готов, — сказал он и дал новый инструмент Тане.

Таня повертела его в руках, осмотрела со всех сторон.

— Какая хорошенькая тёрочка, — сказала она.

— А это не тёрочка, а напильник, — сказал папа, — двоюродный брат пилы.

— Ой, как смешно, — сказала Таня, — у нас в мастерской все инструменты родственники. А что же мы этим «двоюродным братом» будем делать?

— Им много чего можно сделать, — сказал папа. — Вот хоть ручку у шила можно обработать, поудобнее сделать её, чтобы она ладошку не резала.

Он взял шило, положил на доску, провёл напильником раз, провёл два, провёл три... И получилась у шила круглая, удобная ручка.

— Инструментов у нас пока хватит, — сказал папа, — материала тоже довольно. Теперь что делать будем?

— Давай сделаем сову, — сказала Таня.

— Давай сделаем. А из чего?

— А вот из этой шишки, — сказала Таня и выбрала еловую шишку, самую большую.

— Ну что ж, попробуем, — сказал папа. — Только крылья нам из чего же сделать?

— А мы крылья не будем делать. Она спит и крылья сложила.

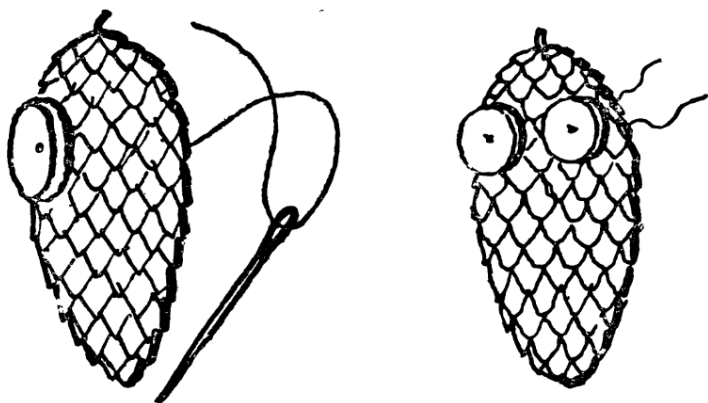
— А глаза из чего сделаем?

— А глаза вот из чего, — сказала Таня и сняла шляпки с двух желудей. — Только как бы нам их приделать?

— А у нас шило есть, — сказал папа и проткнул обе шляпки шилом. Потом он взял иголку

с ниткой, завязал на нитке узелок и пропустил иголку в дырочку на шляпке, как в пуговицу, и прошил шишку насквозь.

Потом вторую шляпку также пришил к шишке, а кончики ниток завязал на голове у совы сзади. Вот так:

— А теперь клюв нужно сделать и когти, — сказала Таня. — Из чего бы?

— А мы из орешков их сделаем. Где у тебя орешки?

Таня принесла пакет с орешками, достала грецкий орех, достала кедровый, повертела их и так и этак — нет, ни на клюв, ни на когти не похоже.

— Не получается, папа, — сказала она.

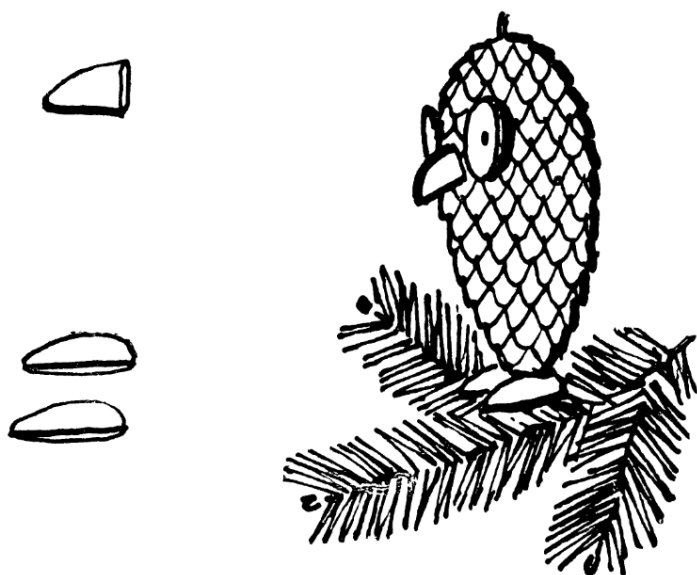
— А ты не спеши. Давай подумаем, что тут можно придумать.

Он взял пилу-ножовку, положил кедровый орешек на дощечку и распил.

И получился замечательный клюв для совы — острый, горбатый. И пока папа приклеивал клюв сове между глазами, Таня ещё два орешка распилила.

И получились когти, тоже острые и кривые. Она их тоже приклеила к шишке. А потом они взяли еловую ветку, пришили к ней сову, а кончик ветки воткнули в хлебную горбушку.

И получилась сова на дереве. Вот такая:

Старая, мохнатая, глазастая, злющая...

А тут как раз и мама пришла. Пришла, посмотрела...

— Ну как, мама, наша сова? Нравится? — спросила Таня.

— Ничего, — сказала мама, — только уж

очень она мрачная, ваша сова. Вы бы что-нибудь повеселее сделали.

— Можно и повеселее, — сказал папа. — Давай, Танюшка, весёлую птицу сделаем и маме подарим.

— Давай, — сказала Таня. — Только как же мама узнает, что птица весёлая?

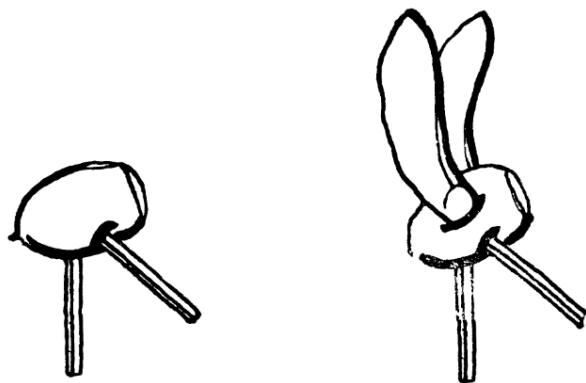
— А ты у мамы спроси, как она узнаёт, что ты весёлая?

— Как, мамочка, ты узнаёшь? — спросила Таня.

— Ну, с тобой-то это просто, — засмеялась мама. — Ты, когда весёлая, прыгаешь, танцуешь всё время, руками машешь и кричишь на весь дом.

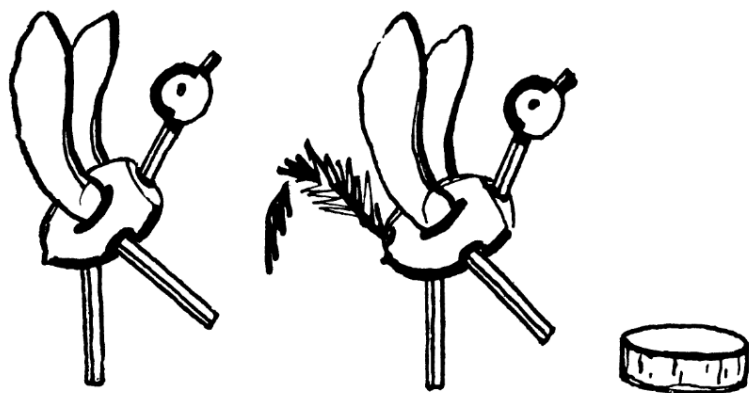
— Вот и мы такую сделаем, — сказал папа и взял жёлудь побольше. — Это будет наша птица. Раз она танцует, значит, одна ножка у неё так, а другая — так.

Он шилом проткнул в жёлуде две дырочки и вставил в них две обломанные спички. Вот так:

— Рук у птиц не бывает, — сказал он, — зато крылья есть. Пусть наша весёлая птичка крыльями машет. Вот это будут крылья.

Он выбрал два маленьких кленовых носика, отрезал от них зёрнышки, проткнул кончиком ножниц две щёлочки в жёлуде и вставил в них носики. Вот так:

Потом он скатал головку из хлебного мякиша, надел головку на спичку, конец спички обломил и вставил в жёлудь.

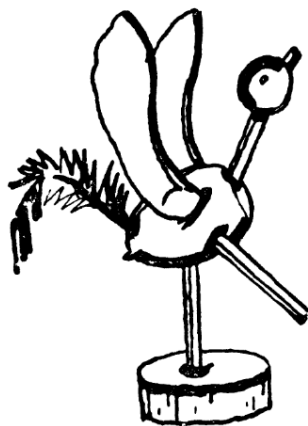
А сзади воткнул в жёлудь самое маленькое пёрышко. И получилась птица.

Только эта птица никак не хотела стоять. Тогда папа взял пробку от бутылки и ножовкой отрезал от неё кружочек:

Вставил в него птичкины ножки и поставил птичку на стол. И действительно, получилась очень весёлая птичка — танцует, крыльями машет, вот-вот закричит и улетит.

— Вот тебе, мама, весёлая птичка, — сказала Таня и отдала маме птичку.

Отдала и тут же пожалела немножко: у мамы весёлая птичка, а они с папой делали-делали, и осталась у них всего одна мрачная сова.

— Папа, давай ещё много весёлых птичек сделаем, — сказала Таня.

— Давай сделаем, — согласился папа.

Он взял самый маленький желудок и самую большую шляпку от жёлудя. Верхушку шляпки он спилил напильником и проколол в ней две дырочки. В дырочки вставил две спички и воткнул их в жёлудь. Потом скатал круглую головку из хлеба, воткнул в неё спичку — нос и спичку — шею. Шею воткнул в жёлудь, а сзади на жёлуде проколол шилом три маленькие дырочки и вста-

вил туда три иголки от ёлки. И получился цыплёнок.

— Ну как, весёлая птичка получилась? — спросил папа.

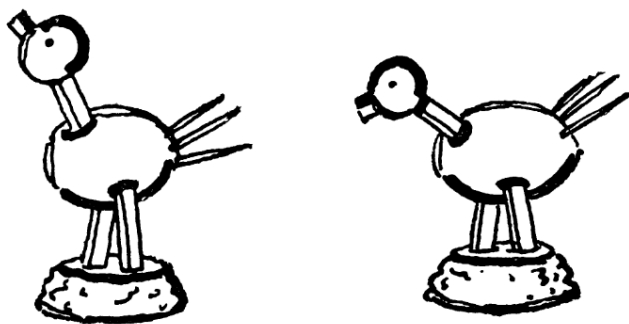
— Во-первых, — сказала Таня, — он не птичка, а цыплёнок. А во-вторых, он задира — вои как нос задрал!

— А ты сделай другого, поскромнее, — сказал папа.

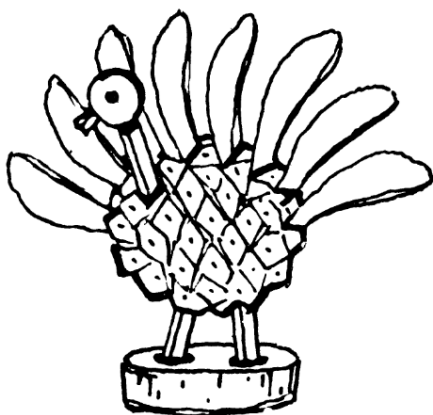
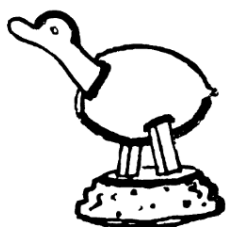
И Таня сама сделала другого цыплёнка. Она всё, как папа, сделала, только головку с шеей по-другому воткнула в жёлудь. И получился ещё один цыплёнок.

Совсем не задиристый, но тоже очень весёлый.

Потом Таня вспомнила о своих уточках и сделала утку из жёлудя.

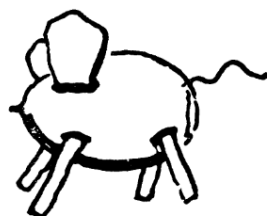
И уточка тоже получилась очень весёлая. А потом папа сделал индюка из сосновой шишки. И получился очень сердитый индюк.

— Что это мы, папка, одних птиц да цыплят делаем? Мне надосло, — сказала она. — Давай сделаем трёх весёлых поросят.

— Можно и поросят, — согласился папа и стал делать весёлого поросёнка.

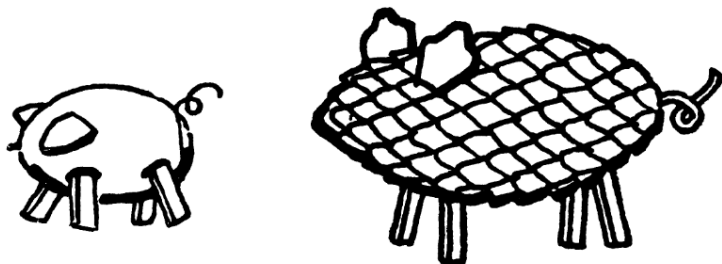
Поросёнка он сделал из жёлудя, ножки из спичек, а ушки и хвостик из хлебного мякиша. Вот так:

— Ну, вот тебе весёлый поросёнок Наф-Наф, — сказал папа. — А ты делай Нуф-Нуфа.

Таня тоже взяла жёлудь, ножки своему поро-

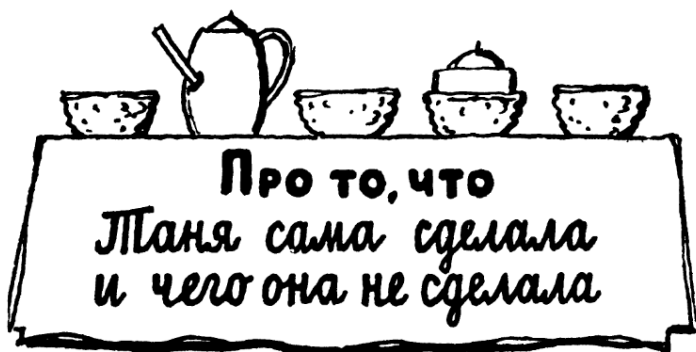
сёнку сделала из тонких веточек, ушки из чешуек от сосновой шишки, а хвостик из толстой нитки. И получился поросёнок — Нуф-Нуф. А папа тем временем сделал третьего поросёнка — Ниф-Нифа, вот такого:

— А теперь, папа, давай сделаем большую свинью, — сказала Таня и сделала большую свинью из еловой шишки.

Таня расставила все свои игрушки на столе, и они с папой стали думать: что бы ещё сделать? И неизвестно, что бы они ещё придумали, но тут пришла мама и сказала:

— Закрывайте вашу мастерскую, стелите скатерть, будем обедать.

Про то, что Таня сама сделала и чего она не сделала

На другой день папа с утра пошёл на работу, а Таня осталась дома. Она стёрла пыль на подоконнике, расставила все свои игрушки, сняла со стола скатерть, принесла инструменты, принесла материал, разложила на столе и открыла свою мастерскую. Открыть-то открыла, а что делать, никак не могла придумать. Думала-думала, да так и не придумала.

Тогда она решила идти гулять и хотела уже убрать все инструменты, но потом решила ещё подумать. А тут как раз подошла мама и спросила:

— Ты что же это сидишь сложа руки? Так твоя мастерская план не выполнит.

— А я уже выполнила план, — сказала Таня. — У меня и по птице, и по свиноводству успехи огромные.

Мама засмеялась и погладила Таню по голове.

— Эх ты, хвастунишка! — сказала она. — По птице и по свиноводству у вас с папой и правда неплохо получилось. А вот из промышленных товаров я что-то ничего не вижу.

— А какие это промышленные товары? — спросила Таня.

— Разные могут быть. Одежда, ткани, обувь, мебель — всё промышленные товары. И посуда промышленный товар...

— Посуда? — переспросила Таня. — Пожалуйста, сделаю тебе посуду. Дай только срок.

— Будет вам и белка, будет и свисток, — засмеялась мама. — Ты сделай сперва, а потом хвастаться будешь.

— И сделаю, — сказала Таня.

Она тут же взяла шесть шляпок от желудей, взяла напильник и спилила у шляпок самые верхушки.

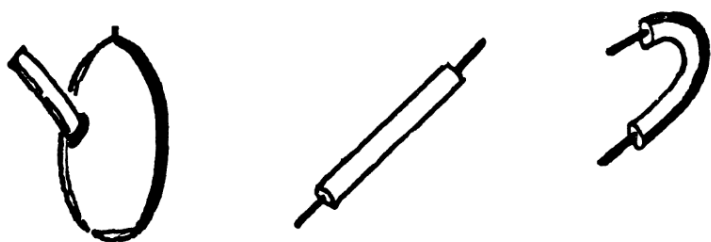
И получилось шесть очень красивых чашечек. Потом она взяла у папы из стола моток проволоки в красной оболочке и отрезала маленький кусочек.

Потом пилой-ножовкой прорезала красную оболочку.

Потом кончик оболочки сняла, шилом проколола в жёлуде дырочку и воткнула туда проволочку.

А потом взяла ещё кусочек проволоки и пилой отрезала оболочку,

Согнула проволоку — вот так:

Проткнула в жёлуде ещё две дырочки и воткнула туда концы провололочек.

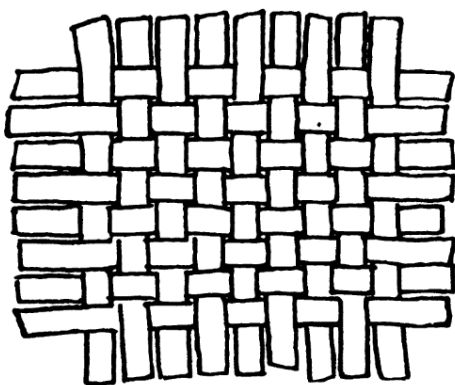
Потом Таня нижнюю часть жёлудя спилила напильником, и получился кофейничек. Вот такой:

Потом Таня взяла ещё один жёлудь с шапочкой, разрезала его ножовкой пополам, и получилась очень красивая сахарница.

Когда вся посуда была готова, Таня нарезала разноцветных бумажек тонкими полосами и сплела. И получилась очень красивая скатерть.

Таня положила скатерть на стол, расставила на скатерти чашки, поставила кофейник, сахарницу и пошла за мамой.

— Ну, иди, мама, — сказала она, — по посуде я тоже план выполнила. Зови гостей, и будем кофе пить.

Мама пришла, посмотрела на Танину работу, повертела чашечки в руках и похвалила Таню.

— Миленький сервиз, — сказала она. — Очень миленький. А ты говорила, что нечего больше делать. Ты посмотри получше кругом, может быть, и ещё что-нибудь интересное придумаешь.

— А вот и не́чего, — сказала Таня. — Одежду не сделаешь, ткани не сделаешь и мебель не сделаешь...

— А ты не капризничай, — сказала мама, — оглянись кругом и сама посмотри, что можно сделать. Посмотришь повнимательнее — непременно найдёшь что-нибудь интересное.

Таня огляделась и ничего интересного не увидела. Потом ещё раз посмотрела повнимательнее и опять ничего интересного не увидела. Стул

не сделаешь, стол не сделаешь — не из чего. И буфет не сделаешь. Тогда Таня пошла к маме в спальню. И там она всё рассмотрела... Нет, всё равно ничего не нашла. Кровать такую, как у мамы, не сделаешь, и гардероб такой не сделаешь. Она было полезла в гардероб... Но тут мама сама пришла в спальню.

— Ну куда, куда, — сказала она, — ты же знаешь: сюда тебе лазать не положено...

— Ну и пожалуйста, ну и не полезу, — сказала Таня и пошла к папе в кабинет.

Сперва и там она ничего подходящего не нашла, но потом одна вещь на папином рабочем столе ей всё-таки приглянулась: настольная лампа. Вот такую, пожалуй, и сделать можно.

Таня вернулась в свою мастерскую, сняла с самого маленького жёлудя шляпку, с самого большого — другую, отрезала ещё кусочек красной проволоки, очистила кончики и воткнула в чашечки.

И получилась очень красивая лампа.

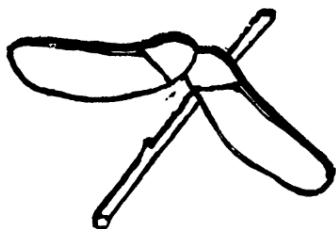
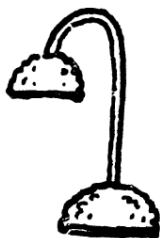
Таня решила поставить её рядом с чайным сервизом. Поставила, а лампа не стоит, валится набок. Таня и так и этак пробовала ставить — всё равно ничего не получается. Падает лампа, да и только.

— Не хочешь стоять, лежи тогда, — сказала Таня и положила лампу рядом с сервизом.

И хоть сама по себе лампа была очень красивая, а всё вместе получилось совсем некрасиво: чашки стоят, кофейник стоит, а лампа лежит почему-то. Будто это не новая лампа, а сломанная.

«Сейчас я ещё что-нибудь придумаю», — решила Таня.

Она стала перебирать запасы материала — разложила на столе и шишки, и орехи, и жёлуди, и носики, и веточки, и вдруг видит — прямо перед ней лежит стрекоза. Это два кленовых носика и одна веточка случайно легли вот так:

«Вот здорово, — решила Таня, — сделаю-ка я стрекозу!»

Она взяла один носик, осторожно вынула из него зёрнышко и из другого носика вынула, потом отрезала кусочек плотной бумаги и приклеила к нему носики. А потом опилила напильником кончик веточки и приклеила его к бумаге.

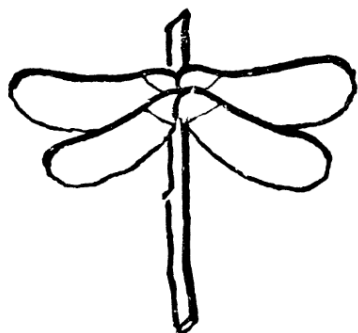
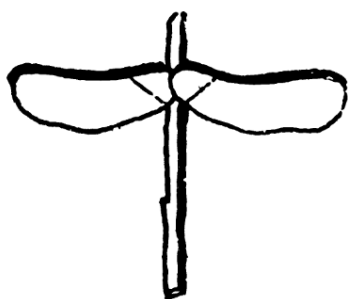
А потом выбрала два носика поменьше и приклеила их к большим.

И получилась очень хорошая стрекоза. Только она не летала, конечно, а лежала на столе как мёртвая.

Таня решила, что посадит её на веточку, и стала сажать стрекозу на ту веточку, где сидела сова. Она очень старалась её посадить, но стрекоза никак не хотела садиться.

— Ну и не надо, раз не получается! — сказала сердито Таня. — Пойду-ка я погуляю...

Она надела шубку, надела ботики, надела

шапку, надела варежки... совсем собралась, но тут мама её остановила.

— Ты куда это? — спросила она.

— Как — куда? Гулять, — сказала Таня. — А что?

— Да ничего, — сказала мама, — только как же твоя мастерская?

— А что мастерская? — сказала Таня. — Никуда она не денется, моя мастерская.

— Вот то-то и беда, что никуда не денется, — сказала мама. — Ты пойдёшь гулять, а тут всё так и будет раскидано?

— Не раскидано, а разложено, — сказала Таня.

— Всё равно, — сказала мама, — это никуда не годится. Давай раз навсегда с тобой договоримся: кончила работу — мастерская закрывает-

ся, инструменты убираются, и на столе чтобы был полный порядок.

— А я, мамочка, не кончила работу. Просто у меня перерыв... А если я убирать стану, я до вечера и погулять не успею, — сказала Таня и надула губы.

— Ты губы не дуй, — сказала мама, — и не спорь. Собирай своё хозяйство. Десять минут, и всё будет в порядке. Не то я сама твою мастерскую закрою, и тогда уж не на перерыв, а совсем, навсегда...

— Ну, мамочка... — сказала Таня.

— Никаких «ну», — сказала мама строго.

И пришлось Тане снимать варежки, снимать шапку, снимать боты, снимать шубу... Потом пришлось складывать инструменты в одну коробку, материал — в другую, готовые игрушки ставить на окно... Вон сколько дела. А времени ушло на это всего пять минут, по часам. Таня даже глазам не поверила — думала, часы остановились. Но тут как раз передали по радио точное время, и оказалось, что часы идут минута в минуту.

Таня поскорее снова оделась и пошла во двор, к ребятам. А там опять мальчишки строили города из талого снега, и реки, и каналы прокладывали, и острова устраивали. И по рекам и по большим лужам плыли по ветру парусные кораблики и плоты с парусами. И самодельные мельнички крутились над быстрыми ручейками, разбрызгивая сверкающие капельки.

И Таня так заигралась с ребятами, что не заметила, как время прошло. Она только тогда опомнилась, когда папа её окликнул. Он, оказы-

вается, уже пришёл с работы. Таня подбежала к нему, схватила за рукав, и они вместе пошли домой обедать.

И пока они шли, пока они обедали, папа ничего не спрашивал про мастерскую, и Таня сама тоже ничего не рассказывала. Уж очень ей стыдно было, что она ничего интересного не сумела придумать.

«Ладно, — решила она, — забыл папа про нашу мастерскую, и хорошо...»

Но папа ничего не забыл. Когда они встали из-за стола и поблагодарили маму, он спросил Таню:

— Ну, как дела, мастерица? Много ли поработала тут без меня?

— Да не очень много, — сказала Таня. — Вот сервиз сделала очень миленький... потом начала лампу делать и стрекозу...

— А почему же не кончила?

— Не получается, — сказала Таня. — Лампа не стоит, стрекоза не сидит. Не знаю, что тут и сделать.

— Давай вместе посмотрим, — сказал папа. — Ум хорошо, а два лучше. Давай свою лампу, давай стрекозу. И вообще, по-моему, пора мастерскую открывать. Или надоело тебе?

— Нет, папка, совсем не надоело. Только у меня у одной не получается.

— Ничего, получится, не всё сразу, — сказал папа, — только духом падать не следует. Давай-ка за работу.

Таня снова разложила свои игрушки, показала папе кофейник и чашечки.

— Вот это миленький сервиз, — сказала она, — а это противная стрекоза и негодная лампа.

— Сервиз действительно очень миленький, — сказал папа. — А лампа... Почему же негодная? По-моему, и лампа хорошая. Красивая лампа. А что она на столе не стоит, так это не беда. Мы сейчас так устроим, чтобы она стояла.

**Про то, как
лампа научилась
стоять, стрекоза
сидеть, а бабочка
летать, и про сви-
сток, и про белку**

Папа взял лампу, поставил на ладонь, и лампа сразу упала. Он её ещё раз поставил, и опять она упала. Он её на стол поставил — всё равно падает.

— Да, — сказал он наконец, — интересная у тебя получилась лампа. Когда я был маленьким, подарили мне игрушку — болванчик такой. Его как ни положишь, он всё встаёт на ноги. Я его так и прозвал «неваляшка». А у тебя лампа «невставашка» получилась: как ни поставь — падает. Почему бы это, не знаешь?

— Не знаю, папка, — сказала Таня. — Падает, и всё. Это ты всё знаешь, а мне откуда знать?

— А ты на меня-то не больно надейся. Попробуй сама разберись, в чём тут дело.

— Смешной ты, — сказала Таня. — Ну как же я разберусь, подумай, пожалуйста.

— Ну, тогда давай вместе разберёмся. Возьмём мою лампу, сравним с твоей и посмотрим: почему моя стоит, а твоя падает.

— Давай сравним, — согласилась Таня, и они пошли к папиному столу.

— Смотри внимательно, — сказал папа, — смотри и замечай, какая между ними разница.

Таня посмотрела очень внимательно и сказала:

— Никакой. Что моя, что твоя — одинаковые.

— Так-таки никакой разницы и не видишь? — спросил папа. — Посмотри-ка ещё хорошенько.

— Ну немножко-то есть, конечно, разница, — согласилась Таня. — Твоя настоящая, а моя игрушечная.

— Не в этом дело, — сказал папа.

— Твоя большая, а моя маленькая.

— И не в этом.

— Твоя чёрная, а моя коричневая с красным.

— Опять не в этом.

— Твоя стоит, а моя падает.

— А с этого мы разговор начали.

— Ну, тогда не знаю, — сказала Таня, — больше нет никакой разницы.

— А ты возьми-ка в одну руку свою лампу, а в другую мою.

— Пожалуйста, — сказала Таня.

Она взяла в одну руку свою лампу, в другую папину.

— Ну теперь-то догадалась, в чём разница? — спросил папа.

— Ой, догадалась, папка! — обрадовалась Таня. — Твоя лампа тяжёлая, а моя лёгкая. Верно?

— Верно-то верно, да ещё не совсем, — сказал папа. — Ты вот что попробуй сделать: поставь-ка мою лампу вниз головой. Только осторожно, смотри не урони.

— Ишь ты какой хитрый, — сказала Таня. — Как же это я её поставлю? Вон у неё какая ножка тяжёлая.

— Ну вот и добрались до дела, — улыбнулся папа. — У моей подставка тяжёлая, а голова лёгкая. А у твоей и голова и подставка лёгкие. Ясно теперь, что нам нужно сделать?

— Ясно. Нужно ей ножку тяжёлую сделать. Вот только как?

— А мы вот как сделаем: бери свой пластилин, пойдём в мастерскую.

Таня принесла пластилин, а папа достал из кармана двухкопеечную монетку.

— Вот теперь соображай и командуй, — сказал папа.

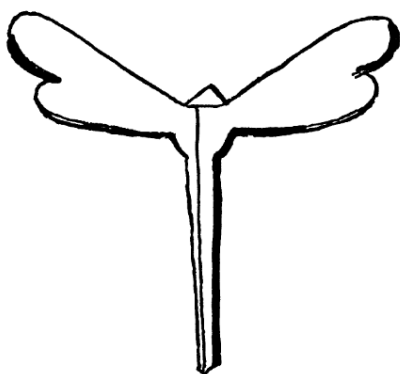
Таня подумала немножко, потом скатала из пластилина маленький шарик, покатила его между пальцами, чтобы он размяк хорошенько, положила шарик в нижнюю чашечку своей лампы и придавила пластилин монеткой. Вот так:

Монетка прилипла к пластилину, пластилин прилип к чашечке, и получилась у Таниной лампы тяжёлая подставка. Таня поставила лампу на

стол — стоит лампа. На ладошку поставила — стоит, подула на неё — стоит, качнула тихонько — всё равно стоит.

— Вот это здорово! — сказала Таня. — Научили мы лампу стоять. Вот бы теперь стрекозу летать выучить. Или хоть сидеть, и то хорошо.

— Ну давай свою стрекозу, — сказал папа, — посмотрим, что с ней делать. Может, и тут что-нибудь придумаем.

Таня достала стрекозу. Папа долго её рассматривал и так и этак поворачивал...

— Что же, — сказал он, — хорошая стрекоза, и вовсе она не противная, а очень симпатичная. Летать — не знаю, а сидеть мы её обязательно научим. Боюсь только, как бы ей крылышки не обломать. Уж очень у неё нежные крылышки. Знаешь, Танюшка, давай мы сперва из бумаги вырежем такую же стрекозу и посмотрим, что с ней можно сделать.

— Давай вырежем, — сказала Таня.

Она взяла кусочек бумаги и ножницами стала вырезать стрекозу. Вырезала, только стрекоза получилась очень некрасивая: одно крыло побольше, другое — поменьше, хвост кривой... Таня взяла её за крыло, подняла, а другое крыло опустилось, и хвост опустился... Папа взял открытку, согнул пополам, положил на стол и по сгибу провёл ногтем. Потом положил на открытку Танину стрекозу и аккуратно обвёл её карандашиком. А потом ножницами вырезал по черте и разогнул. И получилась бумажная стрекоза с длинным хвостом.

— Ну, как, нравится тебе стрекоза? — спросил он.

— Ничего, — сказала Таня, — только всё равно не сидит и не летает.

— Не всё сразу, — сказал папа. — Тащи-ка утюг. Только горячий не схвати, мама, кажется, гладила что-то...

Таня побежала на кухню за утюгом, а папа пошёл к себе. Принёс две вещи: маленький молоточек и серый шарик, совсем крошечный, чуть побольше спичечной головки.

Тане очень понравился молоточек.

— Ой, какой хорошенький! — сказала она. — Подари мне его, папочка. Пусть он будет у нас в мастерской. А себе ты другой достанешь.

— Хорошо, — сказал папа, — подарю.

— И этот шарик тоже подаришь?

— Уже подарил, — сказал папа. — Только это не шарик, а дробинка.

— А что такое дробинка? — спросила Таня.

— Такими дробинками охотники птицу стреляют.

— А мы в кого будем стрелять?

— Мы ни в кого не будем. Нам она для другого дела нужна. Вот смотри, — сказал папа.

Он сел на стул, зажал ручку утюга между коленками, положил дробинку на утюг, а сверху тихонько ударил молоточком. Таня посмотрела. Вместо дробинки на утюге оказалась крошечная кубышечка, вроде бочоночка. Папа ещё раз ударил молотком, и вместо бочоночка получилась коврижка. Папа ещё раз ударил, и вместо коврижки получилась лепёшка. Он ещё раз по лепёшке ударил, и лепёшка расплзлась в стороны, стала как блин — больше копейки величиной. Тогда папа взял её и велел Тане отнести утюг на место. А когда она пришла, он отдал ей свинцовый блинчик и велел разрезать пополам.

— Ножовкой? — спросила Таня.

— Зачем ножовкой? Ножницами, — сказал папа.

Таня взяла ножницы. Она думала, что очень трудно будет разрезать свинцовую лепёшечку. А оказалось, что она совсем легко разрезалась, и получились две половинки.

— А теперь давай клей, — сказал папа.

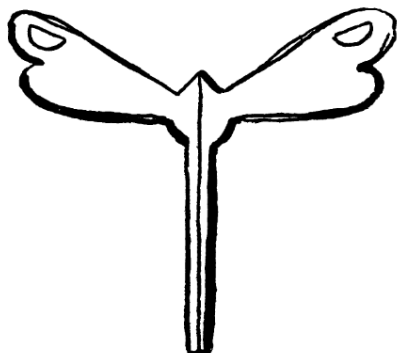
Он намазал клеем кончики крыльев у бумажной стрекозы, положил на них по половинке свинцовой лепёшечки, сверху ещё раз помазал клеем и наклеил по кусочку тонкой бумажки. Потом загнул нос стрекозы.

И посадил её носиком на палец. Но стрекоза сразу задрала хвост кверху, стала на голову,

соскочила с пальца и упала на стол. Тогда папа обрезал ножницами краешки свинцовых лепёшек и опять посадил стрекозу на палец. Но она сразу опустила хвост, соскользнула с пальца и опять упала на стол.

— Всё равно не сидит, — сказала Таня. — Ничего, наверное, с ней не сделаешь.

— Сделаем, — сказал папа и ножницами отхватил у стрекозы кончик хвоста.

Потом он опять посадил стрекозу на палец, а она чуть помедленнее опустила хвост и упала. Тогда папа ещё кусочек хвоста отрезал, потом ещё кусочек, совсем маленький, и вдруг, вместо того чтобы соскользнуть с пальца, стрекоза закачала хвостом вверх-вниз, крылышки у неё затрепетали — вверх-вниз, она повернулась чуть-чуть в одну сторону, потом чуть-чуть в другую, но всё равно с пальца не соскочила. Так и сидела на пальце, как живая.

— Ой! — только и сказала Таня.

— Вот тебе и «ой!» — сказал папа и посадил стрекозу на краешек горлышка бутылки с клеем.

Стрекоза и тут стала качать хвостом и крыльшками. Таня тихонько дунула на неё — стрекоза закачалась, повернулась, а всё равно сидит, не падает...

— И моя так будет сидеть? — спросила Таня.

— И твоя так будет сидеть, — сказал папа. —

Только хвост ей придётся сделать полегче — не из веточки, а из бумаги.

— Из веточки красивее! — сказала Таня.

— Так-то так, — согласился папа. — Только ничего у нас не выйдет с веточкой. Очень тяжёлый хвост получится.

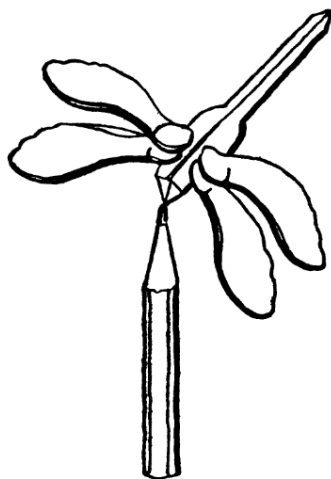
Таня сделала своей стрекозе лёгкий хвост и носик, как у папиной. И так же по полдробинки подклеила под крылья.

А потом поставила стрекозу на палец и стала постепенно отрезать ей хвостик. И очень скоро

стрекоза закачалась и закрутилась на пальце не хуже бумажной.

— Ой, папка, молодец ты какой! — сказала Таня.

Она посадила свою стрекозу на край стола, обняла папу. Обняла и тут же отдёрнула руку.

— Какой ты колючий... Иголлка, что ли, у тебя из пиджака торчит? — сказала она и показала на то место, о которое укололась.

Папа провёл по борту пиджака рукой и улыбнулся:

— Э, нет, — сказал он, — это не иголлка. — Он ещё пошарил по борту пиджака и вытащил оттуда длинный чёрный волосок.

— Вот так штука! — сказала Таня. — Волос какой-то, жёсткий да колючий.

— Что колючий, это нам не страшно — не

уколемся. А что жёсткий, это-то как раз и хорошо. Мы с тобой сейчас бабочку сделаем.

— Из волоса?

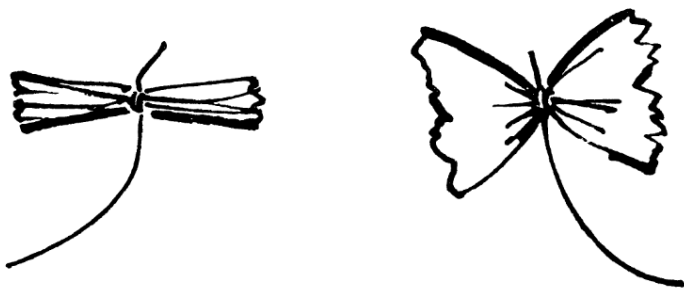
— Из волоса.

— Ну, не знаю, как это из волоса бабочку можно сделать? — сказала Таня.

— А очень просто, — сказал папа.

Он взял листок бумажки, самой тонкой, оторвал от него кусочек, смял посредине и обвязал кончиком волоска.

Потом аккуратно расправил края бумажки, и получилась вот такая штука:

— Ну, как бабочка? Нравится? — спросил он.

— Нет, не нравится, совсем не нравится, — сказала Таня. — Во-первых, мятая она вся, некрасивая. А во-вторых, хвост у неё зачем-то. У бабочек таких хвостов не бывает.

— Не нравится, значит?

— Значит, не нравится.

— Ну, сейчас понравится... — сказал папа.

Папа взял волосок за другой конец, зажал его между пальцами, поднял бабочку, положил

на рукав и стал тихонько крутить конец волоска. И бумажная бабочка вдруг вспорхнула и полетела кверху по рукаву, потом на грудь перелетела, потом вернулась назад, на рукав. Она, как живая, порхала: то взлетит, то присядет, то опять взлетит. А волоска на тёмном пиджаке и не видно было.

Таня даже рот раскрыла. Стоит молчит, слова сказать не может.

— Ой, папа, она живая, что ли? — сказала она наконец. — Дай-ка мне её.

— Так она же тебе не нравится.

— Теперь нравится, — перебила Таня. — Очень нравится. Ну, давай скорее!

Папа отдал Тане бабочку. Таня зажала кончик волоска между пальцами, попробовала покрутить, но сначала у неё ничего не получилось. Бабочка вздрогнет, взмахнёт крылышками и замрёт. Взмахнёт и замрёт, а летать не летает. Потом дело пошло: бабочка чуть-чуть взлетела, потом повыше взлетела... А когда мама пришла, у Тани бабочка не хуже, чем у папы, летала: и по столу, и по рукавам, и по папиной спине. Так здорово она летала, что мама подумала, будто это живая бабочка. Мама даже рассердилась.

— Как не стыдно, Татьяна, — сказала она. — Прекрати сейчас же, не смей её мучить...

— А я никого не мучаю, — сказала Таня, — ей очень нравится летать...

Мама совсем было рассердилась, и Таня остановила бабочку. Она замерла на столе, и мама увидела, что это не настоящая бабочка, а бумажная игрушка.

— Здрóрово? — спросила Таня.

— Здрóрово, — согласилась мама. — Этак у вас с отцом все ваши птицы и все ваши свиньи, чего доброго, оживут.

— А что ж такого? — сказал папа. — И оживут. Дай срок...

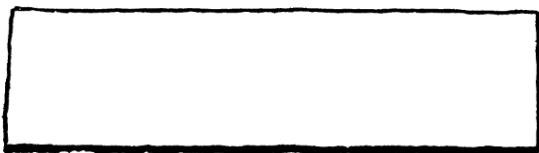
— Будет вам и белка, будет и свисток, — сказала мама и засмеялась. Она это просто так сказала, а Таня хоть прежде много раз это слышала, а тут прицепилась к папе:

— Давай, папка, свисток сделаем и белку.

— Давай, — согласился папа. — Только, чур, так уговоримся: белку ты будешь делать, а свисток — я. И друг другу не помогать. Каждый сам придумывает и сам делает. Идёт?

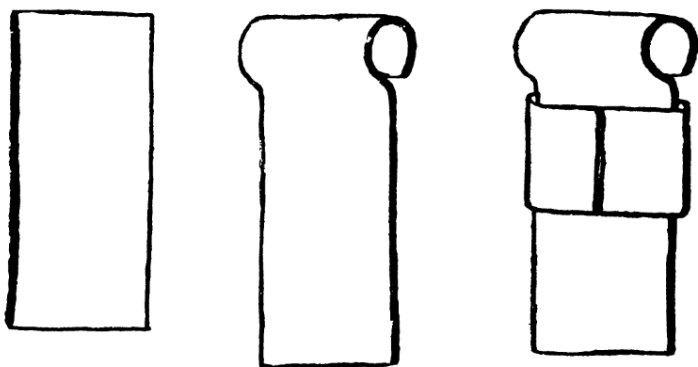
— Идёт, — сказала Таня и стала думать: из чего сделать белку?

А папа стал думать, из чего сделать свисток. Таня долго думала, а папа совсем недолго. Он взял пустую банку из-под консервов и отрезал от неё длинную полоску — вот такую:

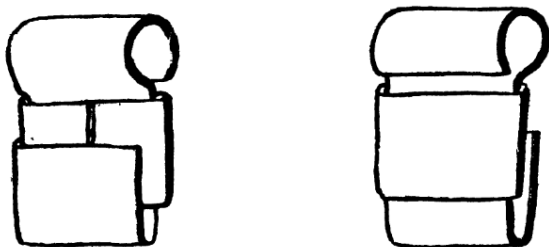
Потом от длинной полоски отрезал коротеньку.

Потом на толстом карандаше загнул кончик длинной полоски.

Потом положил короткую полоску на конец длинной.

Потом загнул у неё кончики, а потом у длинной полоски загнул кончик — вот так:

А Таня пока что разбирала материал — всё искала; из чего бы белку сделать. Она отобрала одну большую сосновую шишку, одну еловую, поменьше, и ещё одну сосновую, совсем маленькую.

— Ну, как твоя белка? — спросил папа.

— Не готова ещё моя белка, — сказала Таня. — А твой свисток как?

— Вот он, мой свисток, — сказал папа и подал Тане свисток.

Таня взяла его в рот, дунула, а свисток молчит.

— Вот так свисток! — сказала она. — Он и не свистит совсем.

— Это такой свисток, — сказал папа, — что в него свистеть нужно умеючи. Ты его возьми-ка вот так. — И он показал Тане, как нужно держать свисток.

Папа зажал двумя пальцами дырочки в свистке и засвистел.

Таня взяла свисток так, как папа показал, дунула, и такой свист раздался в комнате, что мама прибежала из кухни.

— Это ещё что такое? — спросила она.

— Ничего такого, — сказала Таня, — просто свисток. Вот, пожалуйста. — И свистнула ещё раз.

— Ну, — сказала мама, — с такой игрушкой дома делать нечего. Марш во двор и там свисти.

— Сейчас пойду, — сказала Таня и стала собираться.

— А белка как же? — спросил папа.

— А белку я вечером сделаю, — сказала Таня.

И она действительно сделала вечером белку. А как — это вы сами догадайтесь.

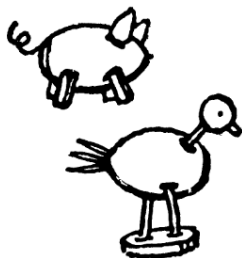
СОДЕРЖАНИЕ

Про то, как Таня сделала мышку, а
папа сделал уточек 3

Про то, как корабли ушли
в плавание 9

Про то, как в зоопарке случилось ЧП и что
из этого вышло 19

Про то, как открылась мастерская . . . 24

Про то, что Таня сама сделала и чего она не
сделала 38

Про то, как лампа научилась стоять,
стрекоза сидеть, а бабочка летать, и про
свисток, и про белку 48

школьная библиотека

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге просим
присылать по адресу: Москва, А-47,
ул. Горького, 43. Дом детской книги.*

Для начальной школы

Некрасов Андрей Сергеевич

ТАНИНЫ ИГРУШКИ

Ответственный редактор *М. А. Зарецкая*
Художественный редактор *А. В. Пацина*
Технический редактор *С. К. Пушкова*
Корректоры

Л. М. Николаева и М. Б. Шварц.

Сдано в набор 15/III 1963 г. Подписано к
печати 21/VI 1963 г. Формат 84×108¹/₃₂—
2 печ. л. 3,28 усл. печ. л. (2,2 уч.-изд. л.).
Тираж 50 000 экз. ТП 1963 № 271.
Цена 8 коп.

Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Отпечатано с матриц Фабрики детской
книги Детгиза, Москва, Сушецкий вал,
49, на Полиграфкомбинате им. Я. Коласа,
Минск, Красная, 23. Заказ № 2060.

В 1963 году в Детгизе выйдут следующие книги серии
«ЗНАЙ И УМЕЙ»:

Богданов Н.
ДЕНЬ СЛАВЫ.

Дмитриев Ю.
ЧЕМУ ВЕРИТЬ, ЧТО ПРОВЕРИТЬ.

Книга о народных приметах, по которым можно узнать время без часов, направление без компаса, погоду без барометра

Каменова Е.
ТВОЯ ПАЛИТРА.

Книга о том, как научиться рисовать, что такое живопись, как самому сделать этюдник, подготовить холст и бумагу, как создать в школе маленькую «Третьяковскую галерею».

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации. Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга—почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов.

Цена 8 коп.